

Захар Бабяк

Сорок восьмой километр

Первый рассказ "чеховского" формата в моей библиографии

12+

Захар Николаевич Бабяк

Сорок восьмой километр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64942163

SelfPub; 2021

Аннотация

Мой первый короткий рассказ "чеховского" формата. Это моя вторая книга после легендарных (не в лучшем смысле этого слова) "Хроник Смирнова". Тема довольно актуальна, поэтому многие из вас смогут ясно и точно представить картину событий. Приятного чтения!

Захар Бабяк

Сорок восьмой километр

Ночная электричка медленно и одиноко ехала по железной дороге, всё дальше отдаляясь от Петербурга. Лишь на редких переездах фонари на миг освещали жёлтым светом вагоны, в которых моргали из последних сил горящие лампы, вокруг которых тучками летали мухи и мотыльки. На улице было хоть и темно, но довольно душно, поэтому в некоторых местах были приоткрыты форточки, отчего создавался сильный сквозняк. Пошарпанный пол, разрисованные пластиковые сиденья, побитые полки для багажа, запотевшие окна – всё это ярко отражает атмосферу любой электрички, что блуждает по длинным и бесчисленным российским железным дорогам, а ночью каждая из этих мелочей добавляет какое-то странное ощущение, которого нет днём.

Полупустой вагон, в котором сидят лишь шесть человек, и все в разных по разным углам, подъезжал к какой-то станции. Это была классическая избитая бетонная платформа, сверху залитая асфальтом, на котором небольшими бугорками выступает мох. По двум краям стояли покосившиеся железные заборчики из сваренных между собой балок, с которых слезала, словно скорлупа, изжелта-белая краска. Над платформой в темноте возвышалась пошарпанная старень-

кая табличка с надписью «платформа сорок шестой километр». Её, видимо, не меняли со времён Советской власти. Вокруг темнота. Кромешная. Светились лишь окна дачников, а также парочка уличных фонарей, что стояли в небольшой пристанционной деревушке.

Тридцатилетний Георгий Шведов ехал на свою дачу, что досталась ему от покойной бабушки. Бабуля в пух и прах разругалась со своей дочерью (матерью Шведова), поэтому всё переписала на внука. С ним у неё были действительно особенные отношения. Связано ли это с тем, что в детстве Георгий проводил с ней всё лето? Не знаю. Просто между людьми сложились очень тёплые отношения, которые никогда, к счастью, не портились. Дача находилась на станции Лустовка и представляла из себя двухэтажный деревянный домик с небольшим чердачком, а также с баней, погребком и мастерской на участке.

Молодой человек содержал всё в идеальном порядке. Глубоко в Георгии сидел, пожалуй, самый радикальный перфекционист. Он каждые выходные приезжал на эту дачу, топил баню, что-то ремонтировал по хозяйству, содержал огород. В общем, вёл «русско-дачный» образ жизни, свойственный многим из нас.

На дачу он ездил, конечно же, со своей семьёй: женой Женечкой, что была чуть младше его, а также пятилетней дочерью Леной. Евгения, как правило, работала в огороде: полола заросшие за неделю грядки, гребла скошенную мужем траву,

готовила еду. Маленькая дочь тоже не сидела на месте: она с удовольствием собирала крыжовник и смородину с кустов, а также поливала «цветочки и огурчики», но больше всего ей нравилось ходить в магазин за мороженым.

Казалось бы, что может быть лучше? Любящая семья, которая во всём помогает, дача. Но и в этой бочке мёда имеется своя ложка дёгтя. Причём густого и паршиво пахнущего дёгтя. Во-первых, это то, что Шведов ненавидел свою работу. Будучи инженером в одной конторе, он работал с утра до ночи, по уши окунувшись в чертежи, проекты и крики начальника, а ещё Георгию хотелось бы получать больше за такую «тяжёлую», по его мнению, работу. Тем не менее, он смог купить одну квартиру себе и ещё одну небольшую квартиру для сдачи в аренду.

Во-вторых, Женечка тяжело болела. Стоит ей хоть чуть-чуть простудиться, как надо звонить в скорую. Она каждую болезнь очень тяжело переносит, поэтому в среднем по два-три месяца за год проводит в больницах. У неё с детства крайне слабый иммунитет, потому что тогда она перенесла менингит в очень тяжёлой форме, отчего маленький организм совсем ослаб.

В-третьих, Георгий из-за прав на дачу и наследство усопшей бабули также поругался со своей матерью Настасьей Павловной. Это довольно вольная женщина пышных форм, которая в лихое десятилетие смогла чудом заработать много денег в лотерею, а затем проиграла их в карты за месяц,

начала пить, вести не самый лучший образ жизни, поэтому поругалась с матерью. А как только появилась возможность занять дачу и продать её, но её дали сыну, то она попросила оформить недвижимость на себя, на что последовал разумный отказ. В этом деле Георгий проявил себя, как думающий человек. Также Шведов был в плохих отношениях с отцом, который отбывал наказание в колонии за кражу имущества. Его об этом попросила Настасья Павловна, которая желала выпить «чего-нибудь элитного», однако при совершении преступления полиция поймала покорного мужчину, за что заключила в тюрьму где-то под Вологдой.

Все эти факторы давили не только на мозг Георгия, но и на сердце, со временем причиняя сильную душевную боль. Он, будучи атеистом на протяжении двадцати семи лет, резко принял решение креститься, после чего каждое воскресенье стал ходить в церквушку и молиться за то, чтобы жизнь просто наладилась и стала спокойной, размеренной и умиротворённой. Чтобы не было болезней, чтобы не было ругани, разногласий. Шведов просто хотел хорошей жизни. Ничего более. Он часто спрашивал Бога о жизни. Почему судьба так сурова с его семьёй, если никто из них не совершал смертные грехи? Ответ так и не был никем дан, поэтому каждый день, с утра до ночи наш герой прокручивал это всё у себя в голове...

Женечка, не болевшая уже полгода, что было чудом, за-

беременела во второй раз, поэтому не ехала на дачу, как и Лена. Шведов в этот день ушёл с работы поздно, где-то в девять часов вечера. В этот день Георгию совсем не везло: начальник недоволен, телефон забыт дома, а в кошельке денег было ровно на одну поездку в метро.

Зато молодой человек не изменил своим принципам и взял огромный рюкзак для поездки на дачу, поэтому после работы Шведов, традиционно перепрыгнув через турникет, на метро доехал до одной из станций, с которой поднялся на Московский вокзал. Там он молча встал на перроне и стал ждать подачи поезда, пройдя мимо касс и очередей, что тянулись к ним. На улице ещё было темно, поэтому стоять под блёклыми лампочками бледного цвета было даже немного уютновато, как бы странно это ни звучало.

На платформе стояли ещё тридцать-тридцать пять человек, причём у некоторых были одинаковые клетчатые «дачные торбы» – сумки, в которых находился трёхдневный запас еды, белья и то, что нужно привезти из города для поддержания хозяйства. Все скопившиеся люди спокойно переглядывались, тихонько здоровались, если знали друг друга. У них у всех была одна цель – съездить на дачу и расслабиться, отдохнуть от городских сует и нервов. Напряжён был лишь по-прежнему Георгий, который опасался, что не сможет проехать без билета. Надежда была лишь на то, что кондуктор не явится в ночную электричку, захочет поспать, отдохнуть.

Вскоре к платформе подъехал поезд. Он был далеко не новым, но и не совсем старым. Просто при наших расстояниях и нагрузках поезда, а уж тем более электрички изнашиваются крайне быстро. Шведов быстро прошёл мимо шести имевшихся вагонов – пусто, кондуктора нет. «Чудно!» – подумал про себя молодой человек и сел в один из вагонов по середине около окошка, поставив рюкзак на колени...

Так он ехал и ехал до станции «сорок шестой километр», о которой мы говорили в начале. Люди постепенно расходились на крупных станциях, расположенных около крупных дачных массивов. Их Шведов называл «полудачниками», потому что эти разросшиеся дачные товарищества медленно превращаются в посёлки, теряя дух той самой русской деревни, и условия тамошних проживаний не те, какие должны быть на даче. В этих местах цивилизации слишком много.

Пройдя основные массивы, остались лишь «натуральные дачники», которые имеют домики в таких же «натуральных» деревнях. К «сорок шестому километру» людей осталось совсем немного, и на этой станции никто не вышел. Однако в глазах успокоившегося Шведова показалась огромная тень человека. «Странно, – подумал он, – кто решится сесть в ночную электричку, идущую от города в пятницу?». Через несколько секунд резко взбодрившийся Георгий протёр глаза и разглядел довольно крупную женщину в оранжевом жилете. «Кондукторша! Чего ты здесь забыла?» – возмутился

про себя наш герой, который, недолго думая и взяв рюкзак, побежал в туалет, где закрыл дверь изнутри. Он слышал, как двери поезда закрылись, а затем электричка с шипением тронулась с места и поехала дальше. Из вагона доносились тихие диалоги:

– Ваш билет, пожалуйста! – говорил хриплый женский голос

– Прошу. – раздавалось в ответ

– Счастливого пути!

После этого тяжёлые шаги приближались к туалету, оставиваясь около иных пассажиров. Вскоре кондуктор остановился прямо около двери в туалет и дёрнул за ручку.

– Доброй ночи! Выйдите, пожалуйста, для предъявления билета! – вот та самая хрипота в голосе напугала Шведова, отчего тот замер на месте. – Выходите! Дверь может быть закрыта, только если внутри кто-то есть, а она – закрыта! – она продолжала

Георгий напрягся и задержал зачем-то дыхание, так что его шея стала каменной, и на ней вздулись все сосуды, как и на лбу. Вдруг поезд резко тряхнуло, от этого рюкзак выпал их рук Шведова прямо на пол, довольно громко ударившись о мокроватый резиновый коврик. В этот момент молодой человек очень сильно зажмурил глаза и закусил нижнюю губу. Он надеялся лишь на то, что кондукторша не услышала падения из-за лёгкой тряски. Напряжённую ситуацию на мгновение сменила шутка, которую придумал на ходу Георгий:

такой крупной кондукторше при тряске надо не вылавливать безбилетников, а самой на ногах стоять, чтобы не упасть и не устроить ещё одну тряску. Он усмехнулся про себя, как вдруг тяжёлые шаги удалились в сторону вагона.

Подождав секунд пятнадцать, Шведов максимально тихо открыл дверь и высунул голову в щель. Глянул направо – никого, глянул налево – лицом к нему стоит кондукторша, которая в миг ехидно засмеялась:

– Я думаю, что нет смысла просить ваш билет.

– Почему же? – возмутился Георгий – Есть у меня билет, всё есть. – он стал открывать рюкзак.

– А чего же вы раньше не вышли?

– Я занят был. Вам подробно рассказать о своих деяниях? – мужчина копошился одной рукой в рюкзаке, периодически глядя на кондукторшу.

– Не надо мне рассказывать, спасибо... Ваш билет, пожалуйста! Где он? – её голос стал серьёзнее, и в нём послышался гнев.

– Прошу вас, мой билет! – Шведов достал из рюкзака ароматную охотничью колбасу – От сердца отрываю!

– Это... Это же колбаса. – кондукторша перешла на шёпот – Вы мне даёте взятку?

– Нет, ни в коем случае, это запрещено законом. Это же билет! – Георгий улыбнулся и подмигнул, после чего стал тихо говорить – Поймите, просто день сегодня ну никак не задался, вот совсем никак. Невезение с утра самого идёт. Я

сегодня деньги дома забыл, честное слово... Даже до поезда не пойми как добирался. Поймите, пожалуйста, я просто хочу скорее на дачу приехать, мне до неё пару станций осталось. Примите это в качестве билета, прошу... Эта вкуснейшая колбаса стоит как десять билетов, только билет вы не можете съесть, а это можете.

Глаза кондукторши были уставлены прямо на колбасу, и Шведов это видел, поэтому пытался просить как можно убедительнее.

– Знаете, молодой человек, я работаю на железной дороге двадцать лет. – начала говорить кондукторша – И таких, как вы, меня просили тысячи людей... Это так не работает. Купите билет официально, тогда всё будет хорошо.

– Поймите, я же сказал, что кошелёк дома забыл. Денег нет. Могу дать только колбасу, честно. Хоть всю свою еду отдам, мне б только доехать.

Глаза крупненькой кондукторши смотрели снова на колбасу, а нижняя губа её заметно выдвинулась вперёд, словно сдерживая огромнейшую слюну. Ещё бы! Охотничья колбаса пахнет чудесно, где бы ни была. Её амбре учует даже человек с насморком.

– Так! – кондукторша серьёзно взглянула на Шведова – Я столько лет работаю на этих дорогах, и за всю карьеру выгоняла с поезда лишь двух людей... Это мне принесло такое удовольствие! Честно говорю! Мне понравилась такая справедливость в те разы, и я хочу повторить это сегодня, в та-

кой посредственный день, дабы скрасить его... – она злобно улыбнулась – Вы нарушитель-безбилетник! Решили нарушить правила и обмануть компанию? – она стала кричать, чтобы привлечь внимание других пассажиров, – Да как вам не стыдно? Зла на таких, как вы, не хватает! Вы официально высаживаетесь с поезда на следующей станции!

– Прошу, не надо. Мне парочка станций осталась ехать... – жалостно попросил Шведов

– Он меня просить вздумал! Если хочешь бесплатно ездить, то ездь на своих ногах! А тут платить надо! Всё! Сейчас вы выйдете! – она продолжала кричать, оголяя свои маленькие зубы.

Женщина не скрывала своей радости. Тогда Георгий не выдержал наплыва злости и стал выплескивать всё это кондукторше в лицо:

– Эх... Вот чего вы такая злая? Что я вам сделал?

– Вы – ничего! Только вот ваше «ничего» – неприемлемо! Все пассажиры поезда купили билет либо на станции, либо у меня по ходу, заплатили деньги и законно едут туда, куда им надо. Вы, в свою очередь, хотите пойти по-своему и нарушить правило, да как вам на стыдно? А вы мне ещё свою колбасу пихаете! Значится, на станции мы вас высадим!

– Пожалуйста, поймите. Мне пару станций ехать... – за диалогом следил весь вагон.

– Нет! Я – за справедливость!

Вдруг седой дедуля в расстёгнутой чёрной рубашке, поглаживая бороду, тихо и по-доброму произнёс:

– Я оплачу за этого молодого человека, женщина, сколько он должен?

Кондукторша впала в ступор:

– Эм... Так нельзя! Пусть сам платит! Вот вы такой солидный мужчина, а он молодой, бесчестный и наглый! Нельзя платить за таких, как они!

– Я заплачу! Мне не жалко. Надо делать добрые дела...

– Добрые дела не делаются для злых людей. – вдруг поезд стал тормозить, а совсем недалеко показался фонарик станции.

– Он вам ничего не сделал, за что же вы с ним так?

– Он – наглец, а я люблю справедливость!

– Хорошо, то есть при вашей любви к «справедливости» вы не примете деньги за молодого человека?

– Нет, не приму.

– А вот это как раз несправедливость...

Поезд всё замедлялся и замедлялся, а Шведов всё также стоял возле двери в туалет, а прямо рядом с ним кондукторша, чьи глаза заблестели. Она проигнорировала деньги седого мужчины, молча стоя на проходе между тамбуром и основным пространством. Вот светоотражающие полосы на её оранжевом жителе засверкали – это отражался фонарный свет с платформы. Электричка ехала совсем медленно. Шведов же полностью поник. Его глубоко посаженные голубые

глаза вовсе потеряли всякий огонёк, а дыхание становилось всё тяжелее и тяжелее. Вот поезд остановился, и двери раскрылись. Женщина торжественно объявила:

– Вы высаживаетесь с вагона! Так вам, безбилетникам, и надо! – она ехидно посмеялась, издавая пищание, а после этого вытолкнула Георгия из тамбура на платформу.

Он своим жалостным и поникшим взглядом пристально смотрел на кондукторшу.

– Ну ты и дура! – крикнул молодой человек, после чего двери захлопнулись, и поезд поехал далее.

Вместе со Шведовым на платформу вышел какой-то мужичок, который сразу же направился на выход с платформы.

«Любопытно, куда же он пойдёт? Кругом тьма тьмушья! Неужели рыбак ночной?» – задумался Георгий, грустно глядя вслед уходящему человеку. Через миг мужчина вовсе скрылся из виду, пропав где-то в темноте.

Шведов же сел на слегка прогнившую и старую скамейку под табличкой «48-й км». Он гневил кондукторшу, всячески ругал её внутри своей головы, но это не помогало успокоиться. Георгий молча глядел сквозь перелесок на обратной стороне путей – вдалеке виднелось множество огоньков – то были дома дачников. Где-то там, за перелеском и, судя по всему, огромным полем, расположена деревушка. Хотя это ничего не даёт Георгию – идти не к кому

В такое мгновение ты поистине чувствуешь значение слова одиночество. В такие секунды никого рядом нет, даже са-

мого незнакомого, самого забытого Богом человека. Казалось бы, сейчас кто угодно может стать другом и хорошим собеседником, который сможет поддержать после случившегося, но... в радиусе пяти километров, пожалуй, нет ни одной души. Разве что тот мужичок, испарившийся в темноте. Паршивое чувство, которое невозможно описать, но рано или поздно чувствует каждый, постигло Шведова. Он положил рюкзак рядом с собой, достал оттуда охотничью колбасу и стал есть её. Без хлеба, не запивая взятой с собой газировкой. Просто так, без всего. Его глаза пусто и бессильно смотрели в одну точку, а рот поглощал колбасу.

Делать нечего: остаётся ждать до утра, чтобы сесть в самый ранний поезд и доехать либо до дачи, либо до города. Это уже зависит от того, какая электричка придёт первой. В утренних рейсах кондукторов практически никогда не бывает, так что добраться можно будет без проблем. Хотя, учитывая нынешнее невезение, может произойти самое худшее, и это худшее представлял Георгий.

Доев колбасу, молодой человек закрыл рюкзак, подвинул его на край скамейки и лёг, используя его в качестве подушки. Он громко выдохнул и стал глядеть в небо и прислушиваться к каждому звуку, медленно засыпая. Звук комаров, летающих возле фонаря, звук сверчков, а также далёкий-далёкий шум от колёс электрички. Теперь духота стала резко меняться на прохладу. День, который весь день был в тепле,

решил отдохнуть и охладиться на несколько часов. Причём сильно охладиться. Теперь уже при дыхании изо рта и носа выходили тоненькие струйки пара, которые сразу же рассеивались. Изредка прибегающий ветер лишь слегка колыхал тёмные волосы молодого человека и будил его, после чего пропадал.

Шведову оставалось лишь поспать, а затем сесть на поезд. Но уснуть было сложно. Можно было лишь слегка вздремнуть, потому что полноценному сну многое мешало. Это и ветер, и свисающие со скамейки ноги, которые затекли, и какие-то шорохи в кустах, и редкие выстрелы глубоко в лесах...

Он думал о том, почему весь день шёл по самому ужасному пути развития. Да и вообще жизнь складывалась плохо, на его взгляд. Ему хотелось спокойствия. Простого спокойствия. И с этой мыслью Шведов жил последние годы. Он мучал себя томными рассуждениями, ломал голову, но всё равно ничего не менялось, и такое угнетение пребывало с ним постоянно. Это заметно было по уставшему взгляду, по ужасному настроению, по тому, что теперь Шведова было легко разозлить. Поэтому на работе за глаза его называли «Жора-порох».

Георгий уж давно окунулся в дрём, как вдруг посреди ночи его что-то дёрнуло за плечо. Парень резко дёрнулся и соскочил со скамейки, чуть не упав на пути. Он лишь чутка

приоткрыл глаза, которые были ослеплены фонарным светом. Перед ним стоял небольшой чёрный силуэт. Из-за яркого света лица не было видно, а можно было лишь различить фигуру и какую-то одежду. Шведов заметил, что на силуэте одет пиджак, что видно по плечам, а также резиновые сапоги. Георгий, взяв рюкзак в руки, резко кинул его в направлении незнакомца, после чего отпрянул назад, протирая глаза.

– Ай! – послышался мужской звук – Чего же ты кидаешься-то?

Шведов, который протёр глаза, увидел того самого мужчину, который вышел на платформе вместе с ним:

– Ой! – в глазах всё изображение ещё было размытым – Это... Это вы?

– Смотря кого ты ищешь.

– Ну... Вы же вместе со мной вышли на этой остановке?

– Да, я. Ещё тогда заметил, что паренёк-то не с этих мест. Подумал, что в гости к кому-то приехал, а ты ещё и на остановке остался. Поэтому дошёл до дома, поужинал, в окошко глянул – ты здесь. Вот я и пришёл.

– Вы... Спасибо. А для чего?

– Не бойся, кусаться я точно не буду. Пошли ко мне. Переждёшь ночь у меня. Негоже так спать. Пошли. – частично поседевший мужчина примерно сорока лет с идеально выбритым лицом и носом-картошкой отдал рюкзак Шведову. – Хватай и пошли.

Сомнение посетило Георгия, но от мужчины веяло добром и честностью, поэтому мужчины направились на выход с платформы.

– А вы где живёте, если меня в окошко видно? – поинтересовался Шведов.

– Глянь вон туда, – мужчина указал в сторону перелеска – там я живу.

– Я ваш дом не видел. Даже света из окошка не было.

– Я в этой комнате редко свет включаю. У меня большинство окон на поле выходят.

– Понятно... Я, кстати, Георгий.

– Очень приятно, я Евгений. – мужчины пожали руки.

– Ух-ты, у моей жены такое же имя.

– Евгений? – мужчины засмеялись.

– Нет, Евгения. «Я» на конце.

– Да я понял, просто пошутить захотел... Чего забыл на этой станции?

Шведов рассказал свою историю. Пока он говорил, то мужчины дошли до дома Евгения. Это типичный дачный домик из буроватых досок с красивенькой верандой и облагороженным участком.

– Да уж, не повезло тебе сегодня, не повезло. Ничего страшного, завтра точно повезёт.

– Не думаю я так, Женя, не думаю. – они прошли в дом, на кухню, – У меня такая ерунда в жизни творится...

– Так! Надо выговориться! Рассказывай, не держи всё это в себе.

– Да здесь без стакана не обойдёшься, надо крепкого выпить.

– А ты прав! – улыбнулся Женя и поставил чайник на плиту.

– Я имел в виду...

– Я знаю. – мужчина перебил Шведова – Не надо пить крепкий алкоголь. От него люди толстеют и тупеют, поэтому считают свою жизнь никчёмной. Лучше выпей чайку с чабрецом или с ромашкой, чтобы успокоиться и затем быстро уснуть.

– Эх... Давайте.

– Ты-то рассказывай, рассказывай.

– Хорошо... – Шведов выдохнул – Понимаете, жена моя болеет постоянно, может месяцами в больнице лежать. Каждую болезнь переносит очень тяжело. А ещё с родителями в ужасных отношениях...

– Прости, я тебя перебую. – Женя перебил Шведова – Почему с родителями ругаешься?

– Я не то, чтобы ругаюсь, а просто общаюсь без всякого желания, если вообще общаюсь.

– А из-за чего?

Георгий теперь уже раздражительно посмотрел на своего знакомого:

– Это не очень важно, просто так жизнь сложилась...

– Ясно всё.

– Что «ясно»?

– Либо пьянка, либо тюрьма, либо наследство. – уверенно отрезал Женя, смотрящий Шведову прямо в глаза. – Извини, конечно, за искренность.

Глаза Георгия, не теряя раздражённости, округлились и приняли размер пятирублёвых монет:

– Эм... – он хотел что-то сказать.

– О таком надо выговариваться, не бойся, друг мой. Я тебе зла точно не желаю. Говори.

Слегка успокоившийся Георгий начал говорить:

– Ну... Вы со всеми тремя пунктами угадали, если честно. – он начал говорить про историю с отцом.

Женя в это время открыл какой-то шкафчик, откуда достал маленький-премаленький сухой иссиня-зелёный листочек. Затем он его повертел в руке, понюхал, после чего улыбнулся и макнул его в одно из двух вёдер с колодезной водой. Жилки листочка заполнились водой, поэтому тот расширился и стал большим, как капустный лист. Шведов всё говорил и говорил, а Женя внимательно слушал и слегка протирал листочек, чтобы его поверхность высохла.

Когда он закончил работу над листом, то закипел чайник. Женя закинул в две эмалированные чашки самодельные травы и залил их кипятком, после чего накрыл блюдечками.

– Ну вот и вся моя история про отца и мать... – закончил Шведов, который вовсе расслабился и расселся на стульчике,

как барин или какой-то шляхтич.

– Понятно, понятно. Всё у тебя хорошо будет, поверь. – Женя разломал листок на три равные части. – Сейчас расслабься и ничего не бойся. – после этих слов он стал протирать местами разломов лицо Шведова.

– Как вкусно пахнет. А что это?

– Тихо! Ничего не говори, пока я тебя тру. Это растение довольно редкое, я его высоко в киргизских горах собирал. Название до сих пор не помню. В блокнотике записано, но тебе это не пригодится.

Он тщательно протирал всё лицо. Начиная с морщинистого лба и заканчивая подбородком. Шведов максимально расслабился и вдыхал приятный аромат сока этого растения. Через минуту Женя закончил процедуру и стал протирать лицо Георгия полотенцем. После этого он стал отжимать кусочки листочка, как губку, над раковиной, а затем выкинул их.

– Ох, как же хорошо стало... Спасибо, Женя! – выдохнул довольный Шведов. – Реально очень необычные ощущения!

Хозяин дома поднял блюдечки с чашек и протянул одну из них Георгию:

– Пей, друг. Твоё здоровье!

– И твоё тоже! – они чокнулись чашками и стали пить чай
– Какой же вкусный чай! Что там внутри?

– Ты такие всё равно нигде не найдёшь. Тебе название ничего не даст.

– А, понял. А вы профессиональный натуралист?

– Ну... Можно и так сказать. Только профессии, связанной со всем этим, у меня не было.

– То есть это ваше хобби?

– Да, определённо.

– Эх, вот вы занимаетесь тем, что вам нравится. А я всю жизнь работаю этим инженером! Так не люблю свою работу! Да и вообще жизнь моя самая никудышная. Вот ничего хорошего нет. Только дочь, жена и будущий ребёнок меня радуют, а всё остальное – подарок Сатаны. Я не понимаю, за что меня так карает судьба, вот честно. Я ей ничего не сделал. Просто хочу спокойствия. Не хочу ругани, скандалов и напряжённости. Иногда смотрю на других людей и завидую. Хочу такую же жизнь, как и у них...

– Ты не ещё не вырос, друг мой...

– В каком смысле?

– Ты жалуешься на свою жизнь, когда она складывается очень хорошо.

– Хорошо?! То, что я вам рассказал, по-вашему, хорошо?

– Успокойся, друг мой, успокойся. Я тебе расскажу свою историю... Мой отец умер, когда мне было семь лет, мать – когда стукнуло шестнадцать. Я жил один, сам по себе. Без всякой поддержки от государства. Представь пацана, у которого родителей нет, а он даже школу не окончил. Вот это – неудачная жизнь! Я поступал в университет, поступил, окончил, но работу, которую хотел, не нашёл. Зарабатывал абы как. Затем меня очень крупно подставили по жизни, я всё

потерял. Затем стал странствовать по свету, изучать то, что было интересно. Я тоже до каких-то лет жаловался на свою жизнь, чуть ли не проклинал её. Но позднее заставил себя всё переосмыслить, передумать, и после этого всё поменялось в лучшую сторону. Я женился, завёл детей... В общем, у истории хороший конец! – Женя улыбнулся, допив свой чай.

Шведов сидел молча, не шевелясь, но вот решил спросить:

– Извините, а где ваши жена и дети?

– Они в Москве живут, с ними каждый день говорим по компюктэру! – мужик засмеялся – Так что ты, имея семью, должен радоваться и благодарить Бога за то, что он тебе преподнёс. У тебя есть работа, ты можешь зарабатывать. Радуйся жизни, дружище!

– Эх... – Шведов вздохнул и допил чай – Мне не понять такого резкого переосмысления.

– Есть идея! – радостно заявил Женя.

– Какая?

– Ты завтра торопишься куда-то с утра?

– Эм... Нет.

– Тогда часиков в шесть утра встанем и пойдём в одно славное место.

– В шесть утра?

– Да, мой друг! А сейчас пошли на второй этаж, я тебе постель застелю...

Шведов проснулся в 5:30 утра. Он чувствовал себя таким бодрым, словно спал двое суток. Ещё нужного времени не наступило, как Георгий с счастливым лицом встал с кровати и оделся. Он спустился на кухню, где давно проснувшийся Женя крутился около плитки и готовил яичницу, из-за чего на весь дом распространился прекраснейший аромат.

– Доброе утро! – радостно объявил хозяин домика.

– Доброе утро! Так вкусно пахнет!

– Спасибо, готовим, как умеем. Вижу, что ты проснулся раньше, чем надо. Это похвально.

– Я поспал около шести часов, но чувствую себя отлично, честно! Это ваши травки так влияют?

– Там удивительных эффектов вагон и маленькая тележка, поверь!

– Ещё бы! Я, проснувшись, своё лицо потрогал – кожа такая же шелковистая и нежная, как персик.

– Это ещё одно последствие.

– Спасибо огромное! Я таким довольным себя никогда не чувствовал.

– Ну вот, Георгий. Ты хоть раз за сегодня вспомнил о чём-то плохом, жаловался ли ты сегодня на жизнь?

– Нет, мне пока что не хочется.

– Да ты словно заново родился, друг! Тебя не узнать, если сравнивать со вчера. Ты так быстро переосмыслил образ жизни?

– Нет, если честно. Вечером недовольство всё равно вернётся вместе со всеми проблемами... – вздохнул Шведов – Так что переосмысления не произошло.

– Так, давай поедим, а потом пойдём в нужное нам место. – Женя положил яичницу гостю и себе, и они приступили к завтраку.

Через десять минут, позавтракав и умывшись, мужчины вышли в путь. На сей раз Женя был в белой рубашке, бежевых шортах и сандалиях.

– Нам идти полчаса. – сказал хозяин дома.

– Ясно.

– Пойдём через поле, так что возьми лучше эти сандалии! – Женя достал пару обуви из шкафчика на веранде.

– Зачем?

– Всё в росе, друг мой, и ты просто намочишь ноги.

– Хорошо.

Они шли через поле с невысокой, но ярко-зелёной травой. Небо в этот день было, пожалуй, самым чистым и солнечным за всё время. Первые лучи солнца уже освещали и согревали отдохавшую ночью землю. Перед глазами идущих мужчин предстал очень приятный контраст: зелёная трава, а на ней переливающиеся на солнце росинки, ярко-голубое небо, жёлтое солнце. Такое можно увидеть только живым глазом, и никакой фотоаппарат не сможет передать красоту сего пейзажа.

зажа.

Холодные капли росы приятно оседали на ногах мужчин. И это была не сырость, а приятная влага. Роса – один из символов утра.

Мужчины после поля свернули на дорогу, прошли через маленькую деревеньку, и на её отшибе показались блестящие серебристые купола церкви.

Они ярко сверкали при свете солнца.

– Ты веруешь? – спросил Женя.

– Да, конечно.

– Славно. – они подходили к церкви. – Её основали ещё в девятнадцатом веке по просьбе крестьян, что пришли сюда из Смоленска, чтобы спасти икону. Большинство из них были в увечьях. У кого-то нет руки, у кого-то – ноги, кто-то вообще без конечностей был. Война с Наполеоном жестокой была. Тем не менее, все они были счастливыми. Они радовались тому, что могли дышать, ходить в церковь и молиться. С тех пор церковь организовала общество поддержки таких людей, где собираются деньги на покупку протезов, лекарств и прочего.

– Мы сюда только ради этого шли? – скептически буркнул Шведов

– Пошли-пошли, не порти настрой себе же.

Они вошли во двор церкви. Там под навесом стояли скамеечки в несколько рядов, а перед ними небольшой подиум – подобие театра, где уже собрались несколько дюжин разных

людей: и все с ограниченными возможностями, а у большинства из них были протезы. Они в столь раннее время сидели и пили местный церковный чай, играли в шахматы и пели песни в церкви во время служб.

– Всем доброго утра! – объявил Женя.

– Приветствуем вас, Евгений Анатольич! – радостно ответила толпа, расплывшись в улыбке.

– Как ваши дела обстоят?

Почти все ответили: «Отлично!», некоторые возгласили: «Хорошо!», а одна бабулька, что имела хромированный протез вместо ноги, и вовсе радостно сказала: «Великолепно!».

– Пошли в церковь. – Женя обратился к Шведову. – Пошли, пошли.

Они вошли в здание, которое, как ни странно, выглядело богато как снаружи, так и изнутри. Различные иконы, обрамлённые древними и красивыми рамами, свечные светильники, даже пол из гранитных плит был выложен.

Мужчины постояли, помолились, собрались с мыслями. Всё это происходило в течение нескольких минут. Шведов стоял с закрытыми глазами, и несколько раз отходил, потому что яркие солнечные лучи, пробивавшиеся через узкие окна, били прямо по его глазам.

– Пойдёмте. – предложил Георгий.

– Да, пошли.

– А где эти люди живут, если не секрет?

– Ой, а они со всей России приехали сюда. Конечно, мно-

гие из здешних краёв, но вот Гульнара Давыдовна из Казани приехала... Дмитрий вовсе с Дальнего Востока. Все с разных мест. Никто не знает, куда его судьба занести может. Вот если бы тот дедушка – Женя незаметно кивнул в сторону одного старенького мужчины. – не попал под осколок «Стигнера» в Афгане, то, скорее всего, не сидел бы здесь. Никогда не знаешь, чего ожидать. Все они счастливы. Я сюда хожу почти каждый день и никогда их грустными не видел. У них могла вся жизнь под откос пойти, но они не сдались, не опустили руки и сейчас радуются.

– Понятно... Пойдёмте.

– Пошли. – Женя глянул на людей. – Всем всего наилучшего!

– До свидания, всего хорошего вам!

Евгений словно заряжался от этих слов. Его итак улыбающееся лицо стало растягиваться в улыбке ещё больше, огонёк в глазах превратился в пламя, а движения стали плавными и бодрыми.

Шведов же шёл с озадаченным видом, всё ещё сохраняя сущий себе скептицизм. Его не впечатлила картина того общества и не подтолкнула к переосмыслению. Тем не менее, он о чём-то думал, и мужчины всю обратную дорогу шли обратно. Теперь Георгий не обращал внимания на яркое небо, зелёную траву и росу, он лишь изредка поднимал голову к небу, прищуривал глаза и сразу же опускал её.

Спустя двадцать минут мужчины дошли до домика Жени. Шведов быстро собрал свои вещи и встал на пороге. В его лице сохранялся всё тот же грустновато-недовольный настрой, при котором всегда хочется жаловаться.

– Ну что ж, желаю тебе всего лучшего, мой друг! – радостно сказал хозяин. – Вот возьми. – он вручил сторублёвую купюру. – Это на проезд тебе.

– Спасибо огромное! Спасибо за приют, за такую чудную прогулку, за деньги... Спасибо огромное! Может, обменяемся телефонными номерами.

– Давай, а как ты меня запишешь?

– Вот незадача... Вы мне вечером наберите, а ваш номер увижу и запишу.

– Хорошо, диктуй.

Шведов продиктовал свой номер.

– Что ж, в добрый путь! – Женья обнял Георгия.

– До свидания! Спасибо ещё раз за всё!

Молодой человек пошёл на платформу, куда спустя несколько минут прибыл поезд на Санкт-Петербург. Перед тем, как зайти в вагон, Шведов встал лицом к дому Жени и благодарно помахал рукой, после чего с абсолютно другим настроением и лицом зашёл в электричку.

Хозяин домика, увидев махание Шведова, махнул в ответ и широко улыбнулся.